

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

О ДУХЕ ПАРТИЙ; О
ЛИТЕРАТУРНОЙ
АРИСТОКРАТИИ

Петр Андреевич Вяземский

О духе партий;

о литературной аристократии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24501744

Аннотация

«Если верить некоторым указаниям, то в литературе нашей существует какой-то дух партий; он силится восстановить какую-то аристократию имен. Указания эти повторяются отголосками журнальными; но нигде не объясняются убедительными доказательствами, а мнения без ясных улик остаются предубеждениями, предрассудками, не заслуживающими веры. Литература наша ограничена таким малым числом действий и действующих лиц, так еще молода, что смешно искать в ней явлений литератур обширных, многолюдных и достигнувших зрелого возраста...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Петр Вяземский

О духе партий; о литературной аристократии

I

Если верить некоторым указаниям, то в литературе нашей существует какой-то дух партий; он силится восстановить какую-то аристократию имен. Указания эти повторяются отголосками журнальными; но нигде не объясняются убедительными доказательствами, а мнения без ясных улик остаются предубеждениями, предрассудками, не заслуживающими веры. Литература наша ограничена таким малым числом действий и действующих лиц, так еще молода, что смешно искать в ней явлений литератур обширных, многолюдных и достигнувших зрелого возраста. Известное слово о бурях в стакане воды может быть применено и здесь. Впрочем, встречаются такие охотники до бурь, что они рады искать их и в стакане, помня пословицу, что хорошо ловить в мутной воде. У нас можно определить две главные партии, два главные духа, если непременно хотеть ввести меж-

доусобие в домашний круг литературы нашей; можно даже означить их двух родоначальников: Ломоносова и Тредьяковского. К первому разряду принадлежат литераторы с талантом, к другому литераторы бесталанные. Мудрено ли, что люди, возвышенные мыслями и чувствами своими, сближаются единомыслием и сочувствием? Мудрено ли, что Расин, Мольер, Депрео были друзьями? Прадоны и тогда называли, вероятно, связь их духом партии, заговором аристократическим. Но дело в том, что потомство само пристало к этой партии и записалось в заговорщики. Державин, Хемницер и Капнист, Карамзин и Дмитриев, Жуковский и Батюшков, каждые в свою эпоху современники и более или менее совместники, были также сообща главами тайного заговора дарования против дюжинной пошлости, вкуса против безвкусыя, образованности против невежества. Такие естественные, необходимые по законам нравственной природы, союзы утешительны и назидательны. Они заключаются не в силу обдуманного договора с его гласными и негласными статьями. Эти союзы делаются сами собою. Карамзин и Дмитриев были друзьями и, так сказать, основателями новой школы, единомышленниками, единоверцами, исключительно потому, и просто потому, что один был Карамзин, а другой был Дмитриев. И так далее. Знаем, что для иных утешительнее было бы видеть раздор между людьми, коих соединило само провидение, освятив их печатью благородства и избрав их орудиями благоволения своего к челове-

честву; но, по счастью, события не оправдывают злонамеренных упований завистливой посредственности. Союз людей, возвышенных по своим дарованиям и нравственности, скреплен и освящен самою природою: они – союзники, а противники – их сообщники. Сообщество сих последних неверно, непрочно, как страсти, личные выгоды, расчеты корысти, служащие зыбким основанием сим случайным сделкам. Если и были примеры, что возвышенные литераторы современные враждовали между собою и неприязню своею утешали тайных ненавистников своих, то примеры, по счастью, довольно редки. Можно сказать решительно, что у нас их не было. Распри Ломоносова с Сумароковым не идут к делу. Сумароков был раздражительное дитя; к тому же в нем был ум, но не было гения; следовательно, он мог и не постигать высоты соперника своего. А в другом отношении он в Ломоносове не столько поэта, сколько преобразователя языка ненавидел. Грамматический старовер, он чуждался, страшился новизны, как ереси; а где вмешается раскол, там рассудок и чувство побеждаются предубеждением. Кроме сего исключения, которое, впрочем, не совсем безусловно, у нас между литераторами возвышенными господствовало согласие, не возмущенное печальными расстройками. Сойдите с высоты, на которой являются они взорам нашим, сойдите на широкое поприще, усеянное толпами, – и тут вы найдете непрерывную сшибку мелких страстей, мелких личностей, мелких выгод. Не говорим уже о несостоятельности от-

ношений сих задорных мимридонов к лицам, которые стоят на вершине для них недостижимой, к лицам, пред которыми они повергаются то на колени, то в забавном напряжении кидают перед ними детскую свою рукавичку: нет! следуйте за движениями их отдельных и частных междоусобий, читайте журналы, сии обличительные хроники анархической литературы нашей, в коих написанное за год, за неделю, в явном противоречии с написанным сегодня, в которых вчерашний враг готовится в завтрашние друзья, и наоборот, и вы увидите, на которой стороне заводятся партии, заключаются и расстроиваются союзы. Мы уже сказали: разумеется, есть аристократия дарований. Природа действует также в смысле некоторого монархического порядка: совершенного равенства не существует нигде. Она также дарует законные преимущества в мире физическом и нравственном: рождаются силачи и хилые, стройные и горбатые, красавцы и уроды, умные и глупые, писатели и писачки, поэты и рифмоплеты. Природное, нравственное достоинство есть неотъемлемая собственность первых; но превратность судеб человеческих часто ниспровергает в действиях последствия непреложных начал. Случалось иногда горбтому быть счастливым соперником красавца у своенравной женщины; иной расслабленный имеет свою минуту торжества над силачом, и так далее. Лукавство, пронырство, ничем не возмущаемое упрямство, никакими средствами не пренебрегающая дерзость вырывали иногда случайную победу из рук менее

деятельного, более бескорыстного достоинства. И те, которые у нас более других говорят об аристократическом союзе, будто существующем в литературе нашей, твердо знают, что этот союз не опасен выгодам их, ибо не он занимается текущими делами литературы, не он старается всякими происками, явными и тайными, овладеть источниками ежедневных успехов и преклонить к себе если не уважение, то благосклонность, которая гораздо податливее первого. Уважение какая-то сила скрытная, она оказывается медленно и без шума, растет и зреет со временем; благосклонность нетерпеливее, она действует необдуманно, плод минуты, она и пожинается минутно. Справьтесь с ведомостями нашей книжной торговли и вы увидите, что если одна сторона литературы нашей умеет писать, то другая умеет печатать, с целью скорее продать напечатанное. А это уменье род майората, без коего аристократия не может быть могущественна. Мы живем в веке промышленности: теории уступили поле практике; надежда – наличным итогам. Видя, что многие худые книги удаются, то есть сбываются лучше иных хороших, несправедливо было бы искать тому причины в одном неразумии публики. Невинность публики идет своим чередом; но воздайте и каждому свое: припишите часть успехов сноровке и ловкости писателей. Некоторые из них были уже заранее провозглашены друзьями своими и ловкими товарищами. Например, «История русского народа» и «Иван Выжигин», сии книжные близнецы нашего времени, сии Иван и

Марья в царстве литературного прозябения, имели гораздо более расхода, чем несколько других творений, заслуживающих истинное уважение. Таким образом, литературной промышленности, которая есть существенная аристократия нашего века, нечего по-пустому заботиться и кричать о так называемой аристократии, которая чужда оборотов промышленности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.